

ГЛАВА 1

Быстровский район Брянской области оккупанты очистили от партизан еще зимой. Он занимал незначительную площадь в 140 квадратных километров, вмещал в себя крупное село Быстровку, несколько деревень и никогда не являлся надежным оплотом Советской власти. Количество крестьян, раскулаченных здесь, намного превышало средние показатели по стране. Число лиц, согласившихся в ноябре сорок первого сотрудничать с нацистским режимом, вполне устраивало немецкое командование.

В районе дислоцировались венгерский и немецкий батальоны, карательная рота СС и несколько подразделений вспомогательной полиции, сформированных из местных жителей.

Советские партизаны действовали в этих местах до января сорок третьего года. Спустя неделю после Нового года, в канун православного Рождества, партизанская база товарища Субботина, расположенная в Зыряновском лесу, была уничтожена карателями. Атаке предшествовал минометный обстрел. Сопrotивление было недолгим, потери карателей — мизерными.

Победители отвели душу. Партизан и членов их семей они расстреляли, повесили на осинах, соорудили из деревьев импровизированные дыбы и порвали людей на куски. Базу в зимнем лесу выжгли дотла.

На следующий день после расправы айнзатцкоманда гауптштурмфюрера СС Вальтера Хольта взяла в кольцо деревню Зорьки. Фашисты подозревали ее жителей в связях с партизанами. Из огненного ада не вырвался никто. Дома эсэсовцы сожгли из огнеметов. Все население деревни, включая старцев и маленьких детей, они заперли в колхозном амбаре и подожгли.

С этого дня на объектах вермахта и в учреждениях оккупационной власти стало тихо. Никто их не обстреливал, не сеял неразбериху в тылах германской армии. В штабы поступали сведения, что в лесах опять собираются местные жители, недовольные новыми порядками, в тыл заброшена диверсионная группа, призванная стать костяком нового партизанского формирования. Но ситуация пока находилась под контролем.

В самой Быстровке царили тишь да гладь. Полиция поддерживала порядок, была наделена дополнительными полномочиями. В июне сорок третьего здесь размещалась материальная база танкового корпуса, действующего на границе с Курской областью.

На краю поселка функционировала школа абвера по подготовке разведчиков и диверсантов,

окруженная березовой рощей. Учебный корпус разместился в здании средней школы, для тактических занятий использовались окрестные леса и овраги. Стрельбы проводились в заброшенном щебеночном карьере.

Дела на фронте в последнее время шли неважно. В районе Курска командованием вермахта готовилась мощная наступательная операция. Советы планировали не менее масштабные действия.

Из Берлина поступил приказ ускорить подготовку курсантов. Школа была не маленькая, в ней одновременно проходили подготовку до ста человек. Четыре учебных класса, опытные преподаватели из числа немецких специалистов и бывших советских граждан.

Недостатка в курсантах не было. На учебу принимались только добровольцы, прошедшие жесткий отбор. Подготовка занимала четыре месяца. Этого хватало. Процесс обучения был максимально уплотнен. Курсанты днями напролет осваивали стрелковое и взрывное дело, радиосвязь, рукопашный бой, ориентирование на местности, структурный состав Красной армии, занимались общей физической подготовкой. На уроках психологии до них доводилось умение втираться в доверие, разговорить человека, вытянуть из него важную информацию.

Люди, сдавшие выпускные экзамены, недолго наслаждались свободой. Их поджидали бое-

вые задания, сколачивались группы под началом самых надежных выпускников. Им очень быстро представлялась возможность доказать свою преданность Третьему рейху.

К востоку от Быстровки располагался военный аэродром, где стояли транспортные самолеты, предназначенные для выброски десанта. Группы уходили по разным направлениям — на Орловщину, в районы Курской области, занятые советскими войсками.

Вечером 24 июня готовилась к отправке одна из подобных групп. Инструктаж диверсанты уже прошли, суть задания уяснили. Бывшие курсанты выстроились в шеренгу в спортзале школы, вооруженные, в полном облачении. Их было восемь.

Руководил группой бывший майор Красной армии Федоренко. Этот коренастый неулыбчивый человек имел личный счет к большевикам и их общественному строю.

Выпускники стояли с каменными лицами. От десантного контейнера они решили отказаться, все необходимое несли с собой. Группе требовалась мобильность.

Внешний осмотр подошел к концу. Сухопарый майор Фосс, заместитель начальника школы полковника Штагеля, удовлетворенно кивнул и направился к своему шефу, стоящему в стороне.

Из строя вышел Федоренко, начал что-то выговаривать своим подчиненным. К нему подошли старшие преподаватели — капитан Зейнц, идеально владеющий русским языком, и Михаил Парамонов, в прошлой жизни преподававший физическую подготовку в школе специального назначения НКВД.

Германское руководство доверяло этому человеку. Его семья подверглась репрессиям, а ему самому с немалым трудом удалось бежать в Польшу. Курсантов Парамонов гонял до полного изнеможения, и порой у немцев складывалось впечатление, что ненавидит он не только советский строй, но и всех своих соотечественников, даже бывших. На него не раз поступали жалобы. Руководство проводило с ним беседы, но преподаватель лишь пожимал плечами. Мол, не нравится вам мой стиль работы, отправляйте меня в концлагерь, а для этих бездельников подбирайте нового физрука, доброго, белого и пушистого.

Начальство терпело. Преподаватель был очень толковый и ковал богатырей.

Да и обучение уже закончилось. Вчерашние питомцы теперь поглядывали на учителя без прежней покорности, а Парамонов снисходительно усмехался в усы.

— Люди готовы, майор? — спросил полковник Штагель.

Он придирчиво разглядывал выпускников, и что-то его беспокоило.

— Да, господин оберст, — ответил майор Фосс. — Эти люди прошли инструктаж и готовы к выполнению задания. Они лучшие в последнем выпуске. Морально стойкие, никаких признаков неуверенности или духовного падения в процессе подготовки не выявлено. К большевикам не пойдут и прятаться в кустах не будут. Большинство составляют русские и уроженцы восточных областей Украины. Люди научены работать в группе и поодиночке. Они будут выброшены южнее Свинова, там разделятся и в город проникнут парами. Документы безупречны. Встреча с представителем Циклопа назначена на завтра. Если кого-то схватят, то остальные не пострадают в силу своей разобщенности. Они знают, что делать в случае провала. У каждого есть ампула с ядом.

— Полагаете, Георг, эти люди способны принять яд? Вы не чересчур их идеализируете?

— Как ни странно, нет, герр оберст. У этих людей тяжелые грехи перед Советами. А принятие яда хотя бы избавит их от предсмертных страданий. Контакттировать с Циклопом они не будут. Это слишком ценная фигура, чтобы подвергать ее риску. Поработают с людьми, выступающими от его имени. Надеюсь, им удастся осесть в городе, не вызвав подозрений. Мы преследуем две цели. Военная активность противника в районе Свинова весьма настораживает. Город расположен в пятнадцати кило-

метрах от линии фронта. До него мы не дошли. Это фланг группировки русских, там, севернее Курского выступа, не должно быть главного удара. Но на станции в Свиروه ежедневно разгружаются воинские эшелоны, туда прибывают танки. Часть войск укрепляет группировку, занимающую позиции в этом районе, остальные направляются на другие участки фронта, в том числе для усиления Пятой армии русских. К сожалению, у Циклопа пока не сложилось определенного мнения по данному вопросу, но он работает над этим. Наши люди должны оказать содействие. Возможно, мы имеем дело с обманным маневром, русские отвлекают наше внимание. Но в любом случае — и это вторая задача группы Федоренко — Циклоп выявил ряд объектов, подлежащих немедленному уничтожению. Своими силами он это не сделает, может только поставлять нам ценные сведения.

— Вы верите Циклопу, Георг?

— Безусловно, герр Штагель. Надежность Циклопа не внушает сомнений. Не побоюсь заявить, что это самый ценный наш агент в полосе Воронежского фронта русских. К сожалению, он может действовать только в Свиروه, но это компенсируется качеством материалов, предоставляемых им.

— Ну что ж, мы всегда рассчитываем на успех, а также на то, что бог нам поможет. —

В этих словах оберста звучала ирония. — Все это хорошо, Георг, и я действительно надеюсь на лучшее. Условия переброски вы отработали?

— Так точно, герр Штагель! Место высадки определено самим Циклопом. В районе южнее Свилова нет советских частей, военных объектов и гражданского населения. Это край болот и труднопроходимых осиновых лесов. Сейчас в районе предполагаемой высадки стоит плотная облачность. К ночи она усилится, но осадки маловероятны. Самолет пойдет над облаками, без бортовых огней. Есть узкое место в районе Бежинского леса, которое ПВО противника не контролирует. Для отвлечения внимания русских мы поднимем шум в районе Колзино, это двадцать километров южнее. Там будет проведен артобстрел. В небе появится пара штурмовиков.

— Как мы убедимся в том, что группа прибыла к месту выполнения задания?

— Циклоп отправит радиограмму с условным текстом.

— Вас не смущает, Георг, что в последнее время выпускников нашей школы преследуют досадные неудачи? — задал Штагель неожиданный вопрос. — Группа Шверка, выброшенная в прошлом месяце под Морозовкой, попала к русским. Ее там словно ждали. Часть группы погибла. Радист успел подать сигнал провала и

больше на связь не выходил. Из иных источников мы узнали, что эту тему можем смело закрыть. Та же участь постигла отряд гауптштурмфюрера Эхмана. Он даже не добрался до места проведения диверсии. Чуть лучше получилось у людей Звягина. Они прибыли в Осиновку, внедрились, но сведения, поступавшие от них, не имели никакого практического значения. Головорезам Штраузе удалось подорвать мост, но русские через сутки навели понтоны. Они взорвали склады ГСМ с фактически пустыми на тот день емкостями. В тылу противника под Орлом работают подчиненные майора Борхарта. Они закрепились там, установили канал радиосвязи. Но я бы не сказал, что сведения, передаваемые ими, являются чрезвычайно важными. Порой возникает опасение, что они работают под надзором русских. У вас имеются мысли на этот счет, Георг? Признайтесь в том, что нам нечем похвастаться.

Майор Фосс смущенно кашлянул, отвел глаза и проговорил:

— Не все так плохо, герр Штагель. Это временные трудности. Пусть нам что-то не удастся. Да, мы теряем людей — в основном, кстати, выходцев из СССР, а не из Германии, — однако контролируем ситуацию, имеем представление о дислокации и планах Красной армии. У них в тылу работают ценные агенты, провалить которых очень трудно. Например, тот

же Циклоп. Сожалею, герр Штагель, но нам нужно пересматривать подходы к работе. Русские уже не то беспомощное стадо, которое они представляли собой два года назад. Они не только перестроили промышленность. У них другая армия, иные подходы к разведывательной и контрразведывательной деятельности. Теперь у русских есть организация со странным названием СМЕРШ. — Майору потребовалось усилие, чтобы выговорить это слово правильно. — Так называемые особые отделы выведены из подчинения НКВД и приданы наркомату обороны. Это управление военной контрразведки, организация серьезная. У них строгое деление, диапазон задач, они привлекают лучших специалистов. Раньше доставалось своим, большевики подвергали репрессиям невиновных людей. Сейчас эта практика уходит из приоритета. Для нас это весьма печальный факт. Контрразведка русских — достойный противник, герр Штагель.

— Вы объясняете мне все это, как курсанту, — сказал полковник и поморщился. — Я в курсе, что такое СМЕРШ. Никто не предлагает вам недооценивать противника. Отправляйте группу, майор. Бог им в помощь. А вам советую присмотреться к преподавательскому составу и обслуживающему персоналу нашего заведения. Не будет лишним дополнительно проверить курсантов на предмет благонадежности. Вам

никогда не приходило в голову, что источник наших неприятностей может находиться в стенах этой школы?

— Входим в зону! — прокричал пилот. — Время готовности — две минуты!

Василий Федоренко напрягся, обвел придирчивым взглядом подчиненных. Они сидели кучно, лица их отливали зеленью. Самолет безжалостно трясло, грохот стоял адский. Освещение было тусклое, лампа моргала, хищные тени сновали по физиономиям парашютистов.

— Проверить снаряжение! — рыкнул Федоренко.

Люди завозились, подтянули ремни, проверили пряжки. Все в брезентовых комбинезонах, обтягивающих шапках с ремешком под подбородком. Из оружия — только советские «ТТ» с двумя запасными обоймами. За спиной ранцы с парашютами, на животах прочно закреплены рюкзаки с одеждой, документами и прочими необходимыми вещами.

Первыми покинули самолет обладатели повышенной массы — Гусинский и Попелюк. Последним — худой и жилистый Коровин, дослужившийся в Красной армии лишь до звания сержанта. Они гуськом, как в вату, падали в плотную непроницаемую облачность. Не видно ни зги, повсюду облака, где земля — бес ее знает, руки так и тянутся дернуть за кольцо. Но